

Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ЛИФТА ДЛЯ ГОРСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Иса Абдурахимович Мутушев

Пятигорский государственный университет (д.9, пр. Калинина, 357532, Пятигорск, Российская Федерация)
Аспирант
Mutushevisa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4033-067X>.

Аннотация. Введение. Северо-Восточный Кавказ во второй половине XIX в. вступил в новую фазу своего развития после укрепления там позиций России, которая стала последовательно вводить край в систему политических, социокультурных и экономических структур империи. Местным горским народам приходилось не только переосмысливать новые обстоятельства жизни, но и искать своё место в них. Новые условия одновременно предоставляли новые возможности для тех, кто решался выходить за устоявшиеся рамки прежней традиции, стремился укрепить материальное положение своей семьи, добиться более высокого социального статуса, используя момент открывшегося «окна возможностей». **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе и осмыслении работ известных отечественных историков-кавказоведов и этнографов, представлявших различные периоды развития отечественной историографии, посвященных исследованию социально-экономических, культурных и политических условий развития Северного Кавказа второй половины XIX в., и основывалось на принципах историзма и научной объективности. Автор анализирует предпосылки и факторы, способствовавшие закреплению института торговли в горской среде. Обращение к научным трудам конкретных исследователей обуславливалось не только насыщенностью их работ разнообразным фактографическим материалом, но и всесторонним проникновением в существо протекавших процессов, а также близостью части из них к этнокультурному миру чеченского и дагестанских народов. **Анализ.** С точки зрения Хазбулатова А. И., почти непреодолимым препятствием для людей, решавшихся воспользоваться открывшимся «окном возможностей» и делавших попытки встроиться в процессы нового существования, предлагавшиеся горским жителям властями Российской империи, была негативная реакция их сородичей и односельчан, грозившая им большими неприятностями. Из-за чего приходилось действовать крайне осмотрительно и выбирать такие поприща,

которые одновременно способствовали реализации многовековых задач, не вызывая отторжения в социокультурном окружении, остававшегося приверженцем традиции. Таковым, по мнению названного исследователя, могла быть торговля. Потому торговое поприще стало наиболее доступным и эффективным средством для большого числа горских жителей в решении задач материального преуспевания и достижения социального престижа. Аналогичного мнения придерживаются, выделяя те или иные аспекты, Хашаев, Х.-М. и Далгат Э. М. Автор статьи, используя основные положения трудов И. Бларамберга, Гарданова В. К., Маргграфа О. В., Ахмадова Я. З. пришел к выводу о том, что для горских жителей торговля сделалась социальным событием и прорывом в новую жизнь, мотивировала к новым ценностным устремлениям, была средством для выстраивания позитивных отношений с другими людьми. **Результаты.** Торговля в данном случае выступала также доступным для многих представителей горских народов «социальным лифтом» в новую жизнь, позволяла приобретать желаемый уровень благосостояния и добиваться престижных статусов в новой парадигме социального устройства, поощряемого имперскими властями.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Российская империя, горцы, торговля, социальный статус, новые возможности, социальный лифт

Для цитирования: Мутушев И. А. Торговая деятельность как форма социального лифта для горских жителей Северо-Восточного Кавказа второй половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 639–644. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

TRADE ACTIVITY AS A FORM OF SOCIAL ELEVATOR FOR MOUNTAIN RESIDENTS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Isa A. Mutushev

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)
Postgraduate student
Mutushevisa@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-4033-067X>.

Abstract. Introduction. In the second half of the 19th century, the north-eastern Caucasus entered a new phase of its development after Russia strengthened its position there, consistently introducing the region into the system of political, socio-cultural and economic structures of the empire. Local mountain peoples had to not only rethink the new circumstances of life, but also look for their place in them. The new conditions simultaneously provided new opportunities for those who dared to go beyond the established framework of the previous tradition, sought to strengthen the financial situation of their families, achieve a higher social status, using the moment of the opened “window of opportunity”. **Materials and methods.** The study is based on the analysis and comprehension of

the works of famous Russian historians-experts of the Caucasus and ethnographers representing various periods of the development of Russian historiography, devoted to the study of the socio-economic, cultural and political conditions for the development of the North Caucasus in the second half of the 19th century, and was based on the principles of historicism and scientific objectivity. The author analyzes the prerequisites and factors that contributed to the consolidation of the institution of trade in the mountain environment. The appeal to the scientific works of specific researchers was determined not only by the richness of their works with diverse factual material, but also by their comprehensive insight into the essence of the processes that took place, as well as the proximity of some of

them to the ethnocultural world of the Chechen and Dagestan peoples. **Analysis.** From the point of view of A.I. Khazbulatov, an almost insurmountable obstacle for people who decided to take advantage of the opened "window of opportunity" and made attempts to integrate into the processes of the new existence offered to the mountain residents by the authorities of the Russian Empire was the negative reaction of their relatives and fellow villagers, which threatened them with great trouble. Because of this, it was necessary to act extremely carefully and choose such fields that simultaneously contributed to the implementation of multi-vector tasks without causing rejection in the socio-cultural environment, which remained committed to tradition. According to the named researcher, such a field could be trade. Therefore, the trade field became the most accessible and effective means for a large number of mountain residents in solving the problems of material prosperity and achieving social prestige. H.-M. Khashaev and E.M. Dalgat share a similar opinion. Based on the opinions of I. Blaramberg, V.K. Gardanov, O.V. Marggraf and Ya.Z. Akhmadov, the author of the article concludes that for the mountain residents, trade became a social event

Введение. После того, как завершилось активное вооружённое противостояние части горского населения Северо-Восточного Кавказа с Российской империей и в край стали внедряться новые для него политические, социально-культурные и экономические способы существования, для местных жителей приоткрылось «окно возможностей» в системе новых контекстов жизни, которые им предлагала Россия.

Вариантов встраивания в имперские структуры было немало, но выбор часто ограничивался предрасположенностью местных жителей к традиционным способам существования и связанными с ними формами хозяйственной деятельности, а также не изжитым недоверием и настороженностью к посулам недавних врагов. Кроме того, горским жителям предстояло переосмыслить и найти собственное место в новых условиях и увидеть приемлемые пути сохранения и поддержания этнокультурного образа жизни.

Большой проблемой была реакция этнических сообществ на любые действия, выходящие за рамки прежней традиции и вероисповедальных установлений. Опасаться возможных негативных санкций собственной социальной среды приходилось в первую очередь тем, кто рисковал воспользоваться ситуацией и ориентировался в рамках осознанно приобретенной установки на благоприятное будущее посредством встраивания в экономические и социокультурные ниши имперского пространства [14, с. 135]

Важным моментом было определение рода деятельности, позволявшей эффективно добиваться материального преуспевания и преодолеть существующие и потенциальные препоны, поджидавшие тех, кто не боялся выходить за рамки прежних традиций, но одновременно старался избегать слишком радикальных решений. Для таких людей наиболее приемлемой и сулящей немалые перспективы могло сделаться торговое поприще, достаточно знакомое большому числу дагестанских жителей равнинных районов, но бывших редкостью, например, для ичкерийцев.

and a breakthrough into a new life, motivated them to new value aspirations, and was a means for building positive relationships with other people. **Results.** In this case, trade also acted as an accessible "social lift" into a new life for many representatives of the mountain peoples, allowing them to acquire the desired level of well-being and achieve prestigious statuses in the new paradigm of social structure encouraged by the imperial authorities.

Keywords: north-eastern Caucasus, Russian Empire, highlanders, trade, social status, new opportunities, social elevator

For citation: Mutushev IA. Trade activity as a form of social elevator for mountain residents of the north-eastern Caucasus in the second half of the 19th century. Humanities and law research. 2025;12(4):639-644. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.9>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Для того момента среди горских жителей торговля сделалась социальным событием и пространством, в котором присутствовали люди и потребляемые ими товары, в совокупности представлявшие «карту социальной интеграции» [16, с. 26] в мире, где фундаментальные ориентиры долгое время направляли социальные взаимодействия в русло дезинтеграции и вражды. В этой связи торговля могла стать прорывом в новую жизнь и мотивировала к новым ценностным устремлениям, могла сделаться средством для нового встраивания отношений с другими людьми.

Материалы и методы. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что существенно возрастали перспективы у людей, которые захотели заниматься торговлей потому, что Россия также видела в торговой деятельности горцев удобный и приемлемый способ отвлечения их от прежних форм военно-обусловленного существования и вовлечения их в имперские экономические и социокультурные структуры, не требовавший ни насильственных мер, ни чрезвычайных издержек для установления приемлемых для обеих сторон модусов мирного и созидательного сосуществования. Все события, которые были связаны с обменом и потреблением, выступали «в качестве коммуникаторов между людьми» [16, с. 32], способствовали лучшему познанию сторонами друг друга.

Эта заинтересованность в вовлечении горцев в товарооборот с русскими поселениями, как отметили современные исследователи Я. З. Ахмадов и Э. Х. Хасмагомадов, «была столь велика, что в 1869 г. по ходатайству начальника Терской области горцам предоставили возможность «торговать без стеснения формальностями и пошлинами...» [2, с. 429] в течение нескольких лет, чтобы содействовать укоренению данного способа деятельности в горской среде, поскольку торговля не только могла удовлетворять повседневные потребности человеческого общежития, но и способствовала раскрытию горской локальности навстречу русскому миру.

Здесь также хотелось бы подчеркнуть важную деталь социокультурного развития горских этносов, в среде которых торговля как вид человеческой деятельности, долгое время занимала периферийное положение и находилась на обочине их жизни. Там почти отсутствовали соответствующие социальная и ментальная предрасположенности, чтобы обеспечить торговому предприимчивому самостоятельный рост вне и без влияния извне. В связи с этим следует остановиться на примечательном факте, который способствовал становлению и расширению социальной почвы для торговой деятельности в горах. Развивать эту сферу жизнедеятельности начинал ещё главный оппонент Российской империи – имам Шамиль. Он поощрял торгующих людей, выдавая им охранные грамоты, действовавшие на подконтрольных ему территориях [8, с. 111]. Речь шла не только об иноплеменных купцах, по большей части армянах или горских евреях, рисковавших пробираться на территорию имамата, но и о горцах, стремящихся реализовать произведения собственного труда за пределами своих селений.

Кроме того, часть полезных для повседневной жизни вещей попадали в горы путем контрабанды с российской территории или через Южный Кавказ от турок и персов. Эта разновидность доставки необходимых товаров одновременно сделалась своеобразным социальным лифтом для отчаянных людей, способных проникать в любые пространства вопреки запретам и преследованию царских властей. Результаты их деятельности не только удовлетворяли разнообразные жизненные потребности разных групп горских жителей, но закрепляли за местными удальцами общественно значимые статусы, способствовали росту их социального престижа.

Анализ. Порождённая особенностями российской политики в крае, контрабанда преследовалась и искоренялась официальными властями, но нередко поддерживалась населением, что предопределило её высокую адаптивность и выживаемость в местных условиях. Был спрос, существовало предложение, но персонафицировать торговцев-контрабандистов из числа северокавказских автохтонов, участвовавших в контрабандной торговле крайне затруднительно, поскольку документальной основы такая деятельность не имела.

Другим шагом в становлении почвы, связанной с развитием торговой деятельности в горской среде было оказание покровительства армянским, еврейским или греческим купцам, которые совершали вояжи между горными селениями в течение длительного времени, вплоть до становления постоянной ярмарочной торговли в крае. Это было своеобразным и косвенным соучастием в торговом обмене, прикосновенной сопричастностью к нему через существовавшие в горах институты гостеприимства и куначества.

Отдельная горская семья могла оказывать покровительство пришлым негодьятам, брать у них на сохранение товары, сопровождать их в передвижении между горными селениями, защищать от возможных покушений на их жизнь и имущество. Не всегда и не все такие поездки имели благополучный исход. Известны были случаи, когда родственники коммерсантов, погибавших во время разъездов, получали от таких покровителей сохранённые в целости деньги и товары [8, с. 114]. В то же время сами автохтоны часто не рассматривали подобные услуги в качестве разновидности хозяйственной деятельности. Для них это был дружеский долг в пользу семьи кунака, моральная обязанность перед памятью товарища.

Таким образом, можно утверждать, что ко времени укрепления позиций России в Северо-Восточном Кавказе там уже были заложены основания для развития и восприятия торговой деятельности в качестве важного и необходимого атрибута мирной повседневности, которая была инициирована там отчасти усилиями прежних властей имамата, так и целенаправленной работой Кавказских наместников, стремившихся приобщить горцев к тем экономическим процессам, которые наиболее подходили для умиротворения края.

Российские власти готовы были расширять рынок сбыта горских товаров в казачьих станицах и северокавказских городах, в свою очередь предлагая мануфактурные изделия, в которых нуждались местные жители. Те из горских жителей, кто готов был участвовать в таком взаимодействии, могли рассчитывать на улучшение своего материального благосостояния, упрочение и усиление своего социального статуса.

Ход и развитие процессов в данном направлении, однако, осложнялся тем, что в недавнем прошлом многие горцы считали торговлю занятием унижительным и недостойным мужчины-воина. Особенно такие предубеждения были характерны для представителей аристократических сословий. В качестве примера можно привести кумыкских владельцев, в хозяйствах которых изготавливали прекрасные ковры, одежду для продажи, в которой они не принимали участия, предпочитая предаваться «праздности» и «воинственным занятиям», делегируя непрестижное занятие иноэтничным торговцам. Чаще всего они перепоручали это дело армянским купцам, которые специализировались на посреднических услугах и имели самые широкие связи как среди горцев, так и в русских селениях [3, с. 37-38]. Вообще тем из горских жителей, которые принимали решение участвовать в торговой деятельности на профессиональной основе, приходилось выдерживать конкуренцию с армянскими купцами, бывшими долгое время монополистами в данной сфере деятельности.

В то же время, исследователи северокавказской старины отмечают, что по мере активизации хозяйственной деятельности России на Северном Кавказе, число людей, решавшихся участвовать в торговом обмене, серьёзно возросло [8, с.102]. При этом говорить о наличии в горской среде большого количества профессиональных торговцев в рассматриваемый период, конечно, было бы преувеличением, противоречившим против истины. Но как важная составляющая системы самообеспечения торговля всё шире распространялась как в плоскостных, так и горных селениях. Почти в каждой горской семье могли быть сосредоточены запасы земледельческих или скотоводческих произведений и иных материальных ценностей, которые можно было обменять на нужные вещи. В числе таковых продуктов можно назвать шерсть, кожу, шкуры, бурки, лес, лесоматериалы и многое другое.

Возникшая потребность была условием реализации «окна возможностей» для части горских жителей, особенно для тех, чей социальный ресурс был недостаточно обеспечен поддержкой родственников или низкими стартовыми позициями в системе местных социумов. Прежде всего это касалось тех, кто вышел из зависимого состояния по указу 1867 г. об отмене рабства и крепостной зависимости в горах. Эти люди получали свободу, но лишались сколько-нибудь достаточной для безбедного существования материальной базы. Если брать Чечню, то таких людей там по официальным справкам насчитывалось 294 человека [6, с. 8]. Именно для такого слоя горских жителей участие в торговой деятельности в том или ином качестве сделалось не только способом накопления первоначального капитала и обеспечения приемлемой для сколько-нибудь нормальной жизни их семьям, но и возможностью вырваться за пределы своего низкого социального статуса. Используя нежелание одних из ложного предубеждения к участию в торговых операциях и необходимость других иметь кунаков или проводников в горах, некоторые из таких людей не упустили свой шанс.

Новым стимулом для развития торговли в крае стало строительство Ростово-Владикавказской железной дороги, вместе с которой на Северный Кавказ пришли новые экономические стимулы и новые капиталистические отношения, способные усиливать мотивацию личного духа стяжательства. «Капитализм втягивал в водоворот хозяйственных связей, побуждал приспособляться к меняющейся обстановке, вырабатывать черты предпринимательства» [9, с. 389] во всех почти слоях горских жителей, стремившихся избежать бедности или закрепить свой прежний высокий социальный статус.

По мере возрастания товарности местного хозяйства, потребность в профессиональных коммерсантах усиливалась. В дальнейшем та-

ких людей, выходцев из числа жителей северокавказских обществ, становилось все больше. Подтверждением роста численности торгующих людей стало приобретение торговых свидетельств. Например, в Чечне «в 70-х гг. XIX в. в Аргунском округе было куплено 17 торговых свидетельств, к 80-му году число приобретенных торговых свидетельств увеличилось до 33. В Веденском округе было куплено торговых свидетельств в 1869 г. – 13, в 1876 г. – 19, в 1887 г. – 30» [4, с. 35; 13, с. 24]. Там стала постепенно формироваться новая генерация людей, давших в скором времени купеческие династии. Первые крупные чеченские купцы стали появляться и вытеснять с ведущих позиций представителей иного этнического происхождения с конца 70-х гг. XIX в. Среди них выделялись Б. Баширов из Старой Сунжи, Г. Мациев из Шали, А. Арсамизаев из Урус-Мартана. Купеческая династия Мациевых владела только в Грозном несколькими магазинами, а их общее состояние тогда оценивалось в 500 тысяч рублей [2, с. 431].

Свидетельством и показателем роста торговли в регионе было возникновение еженедельных базаров в крупных чеченских селениях – Ведено, Шатой, Воздвиженское, Урус-Мартан, Шали, Старый Юрт, Итум-Кале. Занятие торговлей стало быстро приобретать популярность и перешло в разряд престижной деятельности. Для многих чеченских семей торговля сделалась не только основным профессиональным занятием, но и основным источником семейных доходов, например, в 1886 г. в селении Старый Юрт было 13 таких семей [2, с. 432]. Кроме того, многие селения стали обзаводиться стационарными торговыми заведениями, которых к 1900 г. насчитывалось в Урус-Мартане – 41, в Шали – 43, в Ведено – 23, Старых Атагах – 42, Автурах – 82, Старом Юрте – 22 [12, с. 187].

Реальное число чеченских жителей, участвовавших в торговых операциях, существенно превышало официальную статистику, опирающуюся на данные о зарегистрировавшихся и получивших торговые лицензии. Например, в 1877 г. власти привлекали к ответственности и оштрафовали на общую сумму в 1025 рублей около 10 торговцев, за отсутствие торговых свидетельств [2, с. 433], то есть какая-то часть торгующих людей всегда оставалась вне глаз официальных властей. Этому много способствовали общие нравы и повседневные обыкновения, существовавшие среди местного населения.

Если обратиться к Дагестану, то о степени развития торговли могло свидетельствовать наличие в некоторых плоскостных селениях, издавна являвшихся центрами обмена и не утративших этот статус в период распространения здесь российских порядков, своеобразных купеческих организаций, контролировавших проведение самых разнообразных торговых сделок. Речь идёт о Тарках и Эндери, в которых

имелись многочисленные лавки и духаны армянских купцов и горских евреев. Товары для них поставлялись жителями окрестных селений, в том числе привозились из горных аулов [1, с. 192]. Среди дагестанских жителей в 1892 г. за торговыми свидетельствами обращались 1680 человек, а в 1896 г. таких уже было 2565 человек [11, с. 129].

В экономике Дагестана на протяжении веков крупным торговым центром оставался город Дербент, в котором уже в начале XIX в. было 420 стационарных лавок, принадлежавших 80 торговцам [15, с. 90]. Дербент вместе с более молодыми городами Кизляром, Порт-Петровском и Темир-Хан-Шурой способствовали развитию внутридагестанской торговли. В каждом из названных городов существовали еженедельные базары, работавшие по выходным дням. В 1871 г. с разрешения Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича в Темир-Хан-Шуре были учреждены 2 ярмарки, каждая из которых работала в течение двух недель [7, с. 107]. В Кизляре уже в 30-х гг. XIX в. из 9000 местных жителей к торговым людям принадлежало более 1000 человек [15, с. 103].

В 1880-х гг. на городские базары стали наезжать выходцы из ближайших горных и плоскостных селений – «Кюринского, Самурского, Кайтагского, Табасаранского, Даргинского и других районов... для торговли хлебом, мясом, маслом, табаком, фруктами, изюмом, гранатами, орехами, рисом» [7, с. 108].

Рынки и базары в дагестанских городах и крупных селениях были богатыми и различались ассортиментом товаров. Как отмечал О.В. Марграф, «в каждом пятом или десятом селении Дагестана еженедельно по пятницам открываются многолюдные базары» [10, с. XXXV]. Сельскими торговыми центрами были: селение Эндери, Аракань, Чох, Согратль, Казикумух, Цудахар, Анди, Акуша. Там осуществлялась оптовая торговля лесом, пшеницей овсом и ячменем в мешках. Жители дагестанских селений привозили туда яблоки в сапетках на арбах, борта которых были сплетены из прутьев.

В Темир-Хан-Шуру по воскресным дням съезжались жители окрестных и отдаленных селений «с сельскими произведениями от 500 до 1000 человек обоего пола» [7, с. 109]. Мужчины приезжали верхом на конях, «вооруженные и нарядные. Женщины сидели на арбах... На базар приезжали как на праздник» [7, с. 110].

Горцы продавали на базарах овец, коров, лошадей, оружие, полушубки, сукно, ковры, паласы, бурки, изделия из дерева и керамику. Стационарных магазинов и лавок в городе насчитывалось в 1870 г. 142 заведения, в которых кроме местных жителей торговали негоданты из Тифлиса, Астрахани, Кизляра, Моздока, Петровска, Маджалиса, Шемахи Казикумуха, Казанищ, Ахалциха Саратова, Нахичевани и других мест [7, с. 115].

Важную роль в стимулировании местной торговли играли российские гарнизоны, располагавшиеся в глубине горских земель. Они, помимо военных функций, являлись центрами экономического притяжения [5, с. 101]. Устойчивый спрос на местные товары, прежде всего продукты питания, стимулировал развитие товарности горского хозяйства и торговую специализацию наиболее энергичных и предприимчивых жителей окрестных поселений.

Результаты. Проведенный анализ показал, что торговля постепенно сделалась в горах Северо-Восточного Кавказа в течение 60-90-х гг. XIX в. не только способом жизни и хозяйственной деятельности большого числа людей, но также была инструментом переосмысления новой действительности, новых контекстов жизни, привносимых в край российскими властями. Для большого числа людей торговая деятельность превратилась в инструмент приобретения средств к существованию и своеобразным социальным лифтом, позволившим им не только создавать относительно устойчивую материальную базу для существования их семей, но и способствовать упрочению их социального статуса в рамках вхождения в имперскую политическую, социокультурную и экономическую структуру.

Литература

1. Аганесова Д. В., Суздальцева И. А. Армянские общины Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала: Народы Дагестана, 2007. 244 с.
2. Ахмадов Я. З., Хасмагоматов Э. Х. История Чечни в XIX-XX вв. М.: Пульс, 2005. 996 с.
3. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.
4. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1899 год. Владикавказ: Тип. обл. правления Терск. обл., 1900. 106 с.
5. Гаджиев Т. В. К вопросу о частнопредпринимательской деятельности в условиях традиционного Дагестана // Индустриальная экономика. 2022. № 6. С. 97-102.
6. Гарданов В. К. Социально-экономические преобразования // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917 – 1967 гг.). М.: Наука, 1968. С.7-57.
7. Далгат Э. М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала: Изд. дом Мавраев, 2015. 256 с.
8. Илясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
10. Марграф О. В. Очерки кустарной промышленности Северного Кавказа. М.: Изд-во С.В. Лепешкин, 1882. 288 с.

11. Нахшумов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. 157 с.
12. Терский календарь на 1901 год. Владикавказ: Терский обл. статист. комитет, 1900. 393 с.
13. Хазбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX - начало XX вв.). М.: Дело, 1994. 126 с.
14. Хасбулатов А. И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX – нач. XX вв.). М.: Русь, 2001. 238 с.
15. Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. 116 с.
16. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское возрождение, 1999. 192 с.

References

1. Aganesova DV, Suzdaltseva IA. Armenian communities of Dagestan in the 18th-19th centuries. Makhachkala: Peoples of Dagestan, 2007. 244 p. (In Russ.).
2. Akhmedov YaZ, Khasmagomadov EKh. History of Chechnya in the 19th-20th centuries. Moscow: Pulse, 2005. 996 p. (In Russ.).
3. Blaramberg I. Caucasian manuscript. Stavropol: Book publishing house, 1992. 240 p. (In Russ.).
4. Most humble report of the head of the Terek region and the acting ataman of the Terek Cossack army for 1899. Vladikavkaz: Typography regional government of the Terek region, 1900. 106 p. (In Russ.).
5. Gadzhiev TV. On the issue of private entrepreneurship in the context of traditional Dagestan. *Industrial'naya ekonomika*. 2022;6:97-102. (In Russ.).
6. Gardanov VK. Socio-economic transformations in Culture and life of the peoples of the North Caucasus (1917-1967). Moscow: Nauka, 1968. p. 7-57. (In Russ.).
7. Dalgat EM. City and urban life in Dagestan in the second half of the 19th - early 20th centuries. Makhachkala: Mavraev Publishing House, 2015. 256 p. (In Russ.).
8. Ilyasova AA., Grankin YuYu. Trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th - first half of the 19th centuries. Pyatigorsk: PGLU, 2013. 224 p. (In Russ.).
9. History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917). Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russ.).
10. Marggraf OV. Essays on the handicraft industry of the North Caucasus. Moscow: S.V. Lepeshkin Publishing House; 1882. 288 p. (In Russ.).
11. Nakhshumov I.R. Economic consequences of the annexation of Dagestan to Russia. Makhachkala, 1956. 157 p. (In Russ.).
12. Terek calendar for 1901. Vladikavkaz: Terek regional statistical committee, 1900. 393 p. (In Russ.).
13. Khazbulatov AI. Development of Industry and Formation of the Working Class in Checheno-Ingushetia (late 19th - early 20th centuries). Moscow: Delo, 1994. 126 p. (In Russ.).
14. Khasbulatov AI. Establishment of Russian Administration in Chechnya (second half of the 19th - early 20th centuries). Moscow: Rus, 2001. 238 p. (In Russ.).
15. Khashaev H.-M. Occupations of the Population of Dagestan in the 19th Century. Makhachkala, 1959. 116 p. (In Russ.).
16. Schrader H. Economic Anthropology. St. Petersburg: Petersburg Renaissance, 1999. 192 p. (In Russ.).